
В статье — воспоминания члена клуба юных коммунаров «Алый Парус» города Свердловска, действовавшего в 1960–1970-х годах как неформальное объединение старшеклассников, стремившихся организовать интересную, творческую, социально значимую деятельность школьников города.

• коммунарство • Дворец пионеров • педагогическая бюрократия • «Алый Парус» • «орлянтские» традиции • совет дела • старший друг

Коммунарское движение в Свердловске (Екатеринбурге) в 1960–1970-х годах (из личных архивов и воспоминаний Сосновской (Ткаченко) Натальи)

Наталья Борисовна Сосновская (Ткаченко),

директор и основатель городского телефона доверия г. Новокузнецка, выпускница философского факультета УрГУ, вожатая «Орлёнка»

*«Море отшумело, горны оттрубили,
Прошлое покрылось ветхим слоем пыли...
Но зовёт с порога запах новой гали,
Проверяя строго, кем мы нынче стали.
И в любой дороге солнечно и звонко
Будет биться сердце ритмами «Орлёнка»*
Н. Ткаченко, 1973 г.

В начале 60-х годов XX века, когда диссидентское движение и аналогичная литература уже охватили широкие круги интеллигенции, в молодёжных, а точнее, в комсомольских рядах такое брожение проявило себя как коммунарство. В Свердловском Дворце пионеров во главе с методистом (педагогом) Риммой Степановной Варгановой собирался комсомольский актив школ города. Я в ту пору была секретарём комитета комсомолы школы и «бунтовала» против школьной и вообще педагогической бюрократии, что не нравилось школьной администрации. Услышав и увидев ребят, которые были мне созвучны, решила быть с ними в клубе «Алый парус». Максимализм и романтика революционной поры меня тоже сильно увлекали, кумиром таких идей был, конечно, Окуджава: «...комиссары в пыльных шлемах», «бригантина, поднимающая паруса», «надежды маленький оркестрик...» А поскольку моя мама была учительницей и рассказывала о практике педологов, о школе-коммуне А.С. Макаренко, о нашей бабушке-бунтарке, увлекавшейся идеями народников... поэтому совершенно понятно, что меня из школьной рутины потянуло к другим людям.

Из всей комсомольской работы мне нравилось заниматься летописью школьной комсомольской организации, особенно мы гордились нашими знаменитыми учениками, например замечательным певцом Владимиром Трошиным, а также участниками Великой

Отечественной войны, именами погибших воинов называли лучшие классы. Наш класс носил имя Юрия Тимонина, а мы дружили с его мамой. Моя личная дружба с ней продлилась до середины 1970-х. Ну, не интересен ли факт, что Ксения Ивановна Тимонина была когда-то стенографисткой академика Бардина, когда он работал на Кузнецкстрое. А вот сейчас я живу в Новокузнецке и частенько хожу по улице Бардина. Так вот за эту самую работу мне в райкоме и дали путёвку в лагерь ЦК ВЛКСМ «Орлёнок». Это был 1965 год.

В нашем «Алом парусе» были и коммунарские начала, и «орлятские» традиции, всё слилось в единый алгоритм нашего общения. Идея, ради которой мы объединились, состояла в возрождении «настоящего комсомола» с девизами из Маяковского, управлением по Макаренку, идеалами настоящей дружбы и непримиримости к фальши, несправедливости и равнодушию. Меня в круг этих ребят притягивало то, что можно было узнать, как работают в комсомоле в разных школах города, постоянно обмениваться опытом, знаниями и самим создавать что-то. Мы проводили политбои, конференции, суды над бюрократизмом, коммунарские сборы для привлечения обычных ребят, не активистов, а подчас и хулиганов, к работе в комсомоле. Новыми для меня стали понятия: «совет дела» — сами придумали, сами разработали, сами провели, сами проанализировали; «старший друг» — в начале, для всех, это была Римма, как заводила, как организатор, как поддержка, как объединяющее начало наших инициатив. Не смущала разница в возрасте — 10–15 и 20 лет, она была просто Римма, так позже случилось и с нами, кто, уже учась в вузе, продолжал быть членом «Алого паруса».

Но не только это... По всем замечательным законам социальной психологии «Алый парус» был открытой и динамичной социальной группой, в которой через сегодняшние очки можно разглядеть и социометрические притяжения, и конфликтогенные зоны, и принцип «они» и «мы», и разные формы лидерства, и личностный рост. И всё же главным было — творчество, каждый из нас был на что-то способен:

- умел договариваться, хорошо;
- играл на гитаре и пел, прекрасно;

- рисовал и мастерил, здорово;
- писал стихи, замечательно;
- много знал, неоценимо;
- просто был хорошим человеком, классно.

Не было того нудного школьного давления, требования соответствовать стандарту, быть всегда в рамках дозволенного, говорить только то, что тебе позволяют старшие...

Была и крамола, были и ссоры, были обычные чувства живых людей: и дружба, и любовь, и недоверие, и обиды, и восхищение другим человеком, и гордость своим успехом, и переживание за промахи друзей, вот та «ответственная зависимость», что и должна быть частью жизни нормального коллектива. Самые замечательные дела, сделанные нами, — это наши школьные стройотряды на строительстве Рефтинской ГРЭС, в то время крупнейшей в Европе, где мы работали и на стройке, и даже на лесоповале, расчищая дно будущего водохранилища, а после работы придумывали и проводили коллективные творческие дела, учились полностью самостоятельно жить и работать. Учились друг у друга, у коммуниста Ильи Владимировича Вольфсона, начальника строительства (в ранге заместителя министра), которому как рабочая сила мы, безусловно, не были нужны, но как молодёжный отряд, как дети своей страны, были нужны и ценны. И когда он с очередным инфарктом лежал в свердловской больнице, мы пели ему под окном песни в знак любви и поддержки хорошего человека.

И вспоминается ещё одна творческая акция — мы отпросились у родителей на встречу Нового года (уже не помню, какого именно) и поехали на Рефт... И было там всё не просто так, ёлки были в лесу, а не в комнате, а до самого Нового года мы разносили жителям (а многих мы знали!) поздравительные письма, открытки и телеграммы. Вот такой трудовой десант, отзывающийся до сих пор радостью в сердце. Интересно отметить и тот факт, что официальных, утверждённых горono или обкомом начальников у нас не было, и за шесть рефтинских лет не было также ни одного травматического случая или серьёзного заболевания!

Вот недавно мой внук писал сочинение на тему «Дружба», спросил меня, а что бы я написала, я ему сказала, что я бы сначала

рассказала о возрасте нашей дружбы в 20, 30, 40 и 50 лет... На что ребёнок выдохнул: «Офигеть!»

Ещё одной хорошей инициативой «Алого паруса» было создание на базе Дворца пионеров с помощью учёных философского факультета УрГУ «Комсомольского университета юного марксиста», где мы слушали потрясающие, умные лекции профессоров, доцентов, дискуртировали со старшекурсниками философского факультета, проводили политбои, которые подчас привлекали внимание недремлющего КГБ, но не знаю, то ли КУЮМ, то ли встреча в «Орленке» с Игорем Коном определили моё поступление именно на философский факультет, а много позже определили мои занятия психологией и создание в 1991 году Телефона экстренной психологической помощи (ТЭПП)

в городе Новокузнецке, директором которого я была до 2016 г.

Ни маститым философом или психологом я не стала, диссертацию по социализации личности торжественно сожгла, не защищаясь, меня увлекли практические дела, так, преподавая в мединституте организовала кружок «Серебряный век», опальные в ту пору имена Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака были открытием для студентов, их горящие глаза помню до сих пор. В ГИДУБЕ собрала редколлегия из интересных людей — хирургов, неврологов, психиатров, гигиенистов. Мы стали командой и друзьями, подчас шокировали наших коллег по институту своими стенными газетами. Мне думается, что такую творческую основу и заложил «Алый парус» в когда-то юную душу, сохранившуюся до поры седых волос.